

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Элитные ГРЕХИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Элитные грехи

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Элитные грехи / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-98262-2

В элитном коттеджном поселке неспокойно. Пропала Вероника Крайнова, дочь богатых родителей. Поисками девушки занимаются лучшие сыщики МУРа – полковники Гуров и Крячко. Но обычное на первый взгляд дело постепенно становится похожим на страшную воронку: все больше и больше людей оказываются вовлеченными в круговорот загадочных событий. Похищенный пистолет, труп, старые семейные грехи, пропажа свидетеля, покушение на сыщика – все это уже выходит за рамки привычной конкурентной борьбы между богатыми кланами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98262-2

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Элитные грехи

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава первая

Яркое солнце, благоухание цветов, ночная прохлада, горячая предэкзаменационная пора, пора волнений, ожиданий, надежд – в разгаре был благословенный май. Для полковника Льва Гурова это особый месяц. Несмотря на то что все его экзамены остались в далеком прошлом, а основные жизненные планы и надежды благополучно сбылись (или не сбылись), май Гуровым всегда воспринимался как пора обновления, наступления новой жизни. Так, по крайней мере, ему казалось. Хотя, в строгом смысле, жизненные вехи полковника оставались прежними. Он так же трудился в Главном управлении МВД в должности опера по особо важным делам, так же жил в своем доме вместе с женой Марией, так же дружил с полковником Станиславом Крячко, своим давним коллегой, тоже опером-важняком, с которым они делили один кабинет на двоих на Петровке, так же расследовал преступления... И все же, все же! Нечто неуловимое витало в воздухе, заставляя заново переживать ощущения весны, заново окунаться в юность, которая, увы, уже давно отгуляла положенный ей срок.

Словом, в мае Гуров оживал, расцветал и будто бы впрямь становился моложе. Станислав Крячко, кстати, тоже любил этот месяц, но с практической стороны: он готовился к летнему сезону рыбалки и футбольному чемпионату, Мира или Евро, которые сменяли друг друга с постоянной регулярностью в два года.

Однако в этот день настроение Крячко совсем не соответствовало гуровскому. Это Лев понял, едва Станислав появился в их общем кабинете. Начать с того, что он не поздоровался с Гуровым, сразу же протопал к окну и с треском распахнул его. В помещение ворвался теплый воздух, несколько не добавивший прохлады. Крячко, оценив это, хмыкнул, однако закрывать окно не стал, а направился к своему столу и уселся за него с крайне недовольным видом, принявшись раскачиваться в кресле и обмахиваться сложенной вдвое газетой «Спорт-экспресс», только что приобретенной в газетном киоске.

Май, нужно заметить, подходя к концу, решил оторваться по полной. Он благополучно наплевал на среднестатистическую температурную норму и существенно превысил ее. Уже третий день в столице шпарило солнце, ни ветерка, ни малейшего намека на дождь, было по-летнему жарко.

Станислав Крячко жару ненавидел. Правда, такие же чувства вызывали у него и февральские морозы, и ноябрьская холодная морось. Словом, погодные условия редко соответствовали желаниям Станислава, и сейчас явно был не тот случай.

Однако Гуров, слишком хорошо знавший своего друга, был уверен, что недовольство Крячко вызвано не столько жарой, сколько некими иными обстоятельствами, пока ему неизвестными. Опять же, зная Крячко много лет, Лев не спешил с расспросами, понимая, что Стас вскоре сам не выдержит и выложит истинные причины своего дурного настроения.

И действительно, повозившись в кресле, Крячко случайно уронил газету, поднимая ее, чертыхнулся, отшвырнул подальше и с вызовом заявил:

– Нет, это как называется, а? Есть на свете справедливость или нет?

Гуров предпочел не отвечать, поскольку отнес вопрос к разряду чисто риторических. К тому же ему и самому из-за жары лень было заниматься расспросами. А Станислав уже завелся. Он вскочил с кресла, захлопнул окно и, остановившись в центре кабинета, патетически вознес руки, воскликнув при этом:

– Никакой благодарности! Никакой! В то время как родной отец, можно сказать, жизнь свою положил на их благо!

Гуров слегка усмехнулся, поняв, что проблемы Крячко вызваны разногласиями с детьми, точнее, со старшим сыном. Разногласия эти, по убеждению Гурова, были вполне закономерными, несерьезными и не вносившими никакого разлада в отцовско-сыновние отношения. Все

обычно: два поколения, отцы и дети, с разными взглядами на жизнь. Но Крячко придерживался иного мнения, постоянно подозревая, что сын его не ценит, не уважает и даже сознательно провоцирует на конфликт.

Сын же его, по-доброму подсмеиваясь над отцом, был вполне нормальным парнем, студентом второго курса МГУ, очень неплохо разбирался в компьютерных программах и не был замечен ни в злоупотреблении спиртным, ни в пристрастии в наркотикам, ни, упаси бог, к криминалу. И все равно Стас умудрялся порой разругаться с ним в пух и прах, причем потом сам же признавал свою вину и приставал к Гурову с просьбой дать совет, как теперь помириться с сыном, чтобы и дружбу с ним не потерять, и родительское лицо сохранить. Что характерно – у самого Гурова детей не было.

Вот и сейчас Лев приготовился выслушивать долгие гневные тирады Крячко в адрес «неблагодарного балбеса», однако выяснилось, что нынешние претензии Станислава направлены вовсе не на сына, а на старшеклассницу-дочь, которую Крячко не просто любил, а обожал.

Гуров вспомнил события двадцатилетней давности, когда жена Крячко, Наталья, лежала в роддоме, а Станислав был как на иголках, ожидая рождения сына, и без конца отпрашивался у начальства съездить в роддом. Он был убежден в том, что у него родится сын, и оповестил об этом весь отдел. А когда Наталья действительно произвела на свет богатыря весом в четыре с лишним килограмма, ошалевший от счастья Крячко носился по отделу, орал и три дня на радостях поил всех сотрудников, пока начальник Главка Петр Николаевич Орлов не прекратил это безобразие. Словом, Крячко был безмерно горд и бесстыдно бахвалился тем, что «только у настоящих мужиков рождаются сыновья!», с легким презрением посматривая на коллег, у которых были девочки.

Прошло три года, и Наталья снова оказалась в том же роддоме, а Станислав точно так же ерзал и нервничал, гордо бил себя в грудь, уверяя, что скоро станет отцом уже двоих сыновей, но... родилась девочка. Впервые взяв ее в руки, Станислав аж прослезился и кардинально поменял свое мнение о том, кто должен рождаться у настоящих мужиков. Теперь он был буквально больной от счастья, дочь свою постоянно таскал на руках, вскакивал к ней по ночам при малейшем писке, не доверял жене самостоятельно купать ее, даже ревновал, когда та кормила ребенка грудью, и уже не вспоминал о том, как хотел второго сына.

Дочка росла славной девочкой, не доставлявшей родителям особых хлопот. Справедливости ради стоит отметить, что дети у Крячко оба получились удачные, и сына Станислав любил, конечно, ничуть не меньше, просто стеснялся проявлять открыто свои нежные чувства, считая, что мальчику это не на пользу. Зато дочь откровенно баловал, и Гуров не мог припомнить, чтобы между ними возникали какие-то ссоры. А теперь Станислав вдруг принялся жаловаться, что дочь его «ни в грош не ставит!».

В кабинете у сыщиков было очень душно. Гуров с напряженным видом потихоньку попивал минералку и слушал душераздирающие жалобы недовольного, красного от жары Крячко на свою дочь.

– Лева, она мне хамит, хамит, понимаешь? – толковывал он Гурову с таким неподдельным изумлением, словно даже в страшном сне не мог допустить ничего подобного.

– Как хамит-то? – лениво отозвался Гуров.

– «Отстань, пап!» Нет, ты представляешь, Лева? Отстань, пап! Это родному отцу!

– И что такого? Чего ты раскудахтался? Это такое уж хамство, по-твоему?

– Лева, ты сам понимаешь, что говоришь? – выпучив глаза, воскликнул Станислав. – Нет, не понимаешь! Это же только цветочки! Сегодня, значит, «пап, отстань», а завтра «пошел ты на фиг, старый козел!».

– Ну ты не передергивай, – остановил его Гуров. – Что произошло-то? Из-за чего она так? Повод, как выяснилось, был ничтожным. Собственно, иного Лев и не ожидал.

– Да она, понимаешь, к подружке отпросилась на день рождения! С ночевкой, представляешь? И главное, Наташка отпустила! Ну не дура, а?

– И что такого? – пожал плечами Лев.

– Как что, как что? – Крячко в волнении принялся нарезать круги по кабинету. – Какие ночевки, ей к экзаменам готовиться надо! Она в последний класс переходит!

– Что ж ей теперь, к подругам на дни рождения не ходить? Слушай, а мальчики там будут?

Этот вопрос вызвал новый поток бурного волнения Крячко.

– Она не сказала толком, но я что, дурак, что ли? Конечно, будут! Куда же от них деваться? Вот она и рвется туда, вместо того чтобы за учебниками сидеть! Короче, я ей категорически запретил! Ка-те-го-ри-чес-ки! А она мне – отстань, пап!

– Ну ты уж как-то слишком, Стас! Категорически! Мог бы быть и добрее к ней.

– А я к ней не добр? – Крячко аж задохнулся от такого замечания. – Я же все для нее делаю, всю жизнь для нее стараюсь! Из кожи вон лез всегда, только чтобы ей хорошо было! А теперь я для нее уже никто, даже мать больше слушает, чем меня, представляешь? – с горечью проговорил он.

В его словах была большая доля истины. Все детство у доченьки было «в шоколаде», Стас и в садик лучший ее отправил, и в лицей с углубленным изучением предметов, а уж куклами и прочими игрушками весь дом был завален. Это при том, что Станислав, вообще-то, был довольно прижимист, мог много лет ходить в одной и той же видавшей виды куртке, носить простые свитера, связанные тещей, ботинки покупал на дешевом рынке, визит в парикмахерскую оттягивал до крайнего момента, а в последние годы его вообще стригла жена.

Но люди, хорошо знавшие Крячко, давно убедились, что экономит Станислав исключительно на себе. Равнодушный к собственному внешнему виду, всяким «тряпкам-шляпкам», как Стас презрительно называл предметы гардероба, он был очень даже щедр по отношению к семье. На что точно не жалел денег, так это на своих детей.

А сейчас девочке исполнилось уже шестнадцать лет, через год она оканчивает школу. Начинается ее взрослая жизнь, в которой родителям будет оставаться все меньше и меньше места. И Крячко как безмерно любящий отец никак не мог с этим смириться, в этом и была причина всех его переживаний. Он старался хоть как-то удержать, продлить ее детство, ведь она для него была все той же маленькой девочкой, а не взрослой девушкой.

– Вчера она вообще домой пришла в два часа ночи, – продолжал Стас выплескивать свои страдания. – И вот как ей объяснить, что порядочные девушки ночуют дома и ночами не шляются? А если бы случилось что? Представляешь, что с ней могло случиться? Представляешь? – с нажимом повторил он, нависая над Гуровым.

– Представляю. Но ничего же не случилось. Что ж теперь, вообще ее из дома не выпускать?

– Мог бы – не выпускал бы! – признался Крячко. – И кстати, куда больше пользы бы было! Сидела бы и книжки читала.

– А ты сам-то давно книгу в руки брал?

– Недавно! – рявкнул Стас и в доказательство бухнул на стол пухлый потрепанный том Уголовного кодекса, который выхватил из ящика стола. Затем немного успокоился – правда, ненадолго, – и продолжил: – Все равно я считаю, что такое отношение к родителям недопустимо! Будет жить одна – будет делать все, что захочет! Пока живет со мной – должна жить по моим правилам.

– Ох, Стас, Стас! – со вздохом покачал головой Гуров. – Перегибаешь ты палку. А проще говоря, с ума сходишь на старости лет.

Крячко помолчал с полминуты, потом выдал:

– Да потому, что я люблю ее. И беспокоюсь. Вдруг она в плохую компанию попадет? Что мне нужно будет делать? И как сделать, чтобы не попала?

– Не беспокойся, – засмеялся Лев, – с таким отцом, как ты, с тем воспитанием, что ты ей дал, в плохую компанию она точно не попадет. Она же у тебя умная.

По лицу Стаса тут же расплзлась умильная улыбка.

– Это точно, Лева! Умная, красивая, просто золотая девочка! И вот как представляю, что найдется какой-то, кто на это золото... Да я его... Собственными руками! – Он сжал здоровенные кулаки, но, поймав выразительный взгляд Гурова, опустил руки и со вздохом проговорил: – Да ладно, я все понимаю, Лева. Наверное, ты прав. Я сделал все, чтобы она понимала, что есть что. Спасибо тебе, друг, за поддержку!

Весь красный от жары, Крячко налил стакан воды и махом осушил его. В кабинете повисло молчание. Выплеснув все эмоции и утомившись, он уже собирался было сделать вид, что работает, как в этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вошел генерал-лейтенант Орлов, начальник Главка.

– Приветствую! – бросил он, подходя к закрытому окну и раскрывая его. – Что, не работается?

– Почему же, работаем! – с энтузиазмом ответил Станислав, указывая взглядом на бумаги на столе, которые пылились у него уже неделю.

– Отложи пока, Стас, – остановил его напускной пыл Орлов.

– Сразу к делу? – догадавшись, сразу посерьезнел Гуров.

– Сегодня ты очень проницателен, Лева, – заметил Орлов.

– Как всегда, – невозмутимо парировал полковник. – Так в чем дело?

– Ко мне тут женщина пришла, у нее дочь пропала, – приглаживая остатки седых волос, сообщил Орлов.

– О как! – не смог скрыть своего удивления Крячко. – Сразу к начальнику Главка! Лихо! А чего не прямо к министру внутренних дел?

– Действительно, – поддержал его Гуров. – Пусть в районный отдел идет!

– Или вообще к участковому, – добавил Стас с независимым видом, красноречиво свидетельствующим о том, что он не собирается нести за это дело никакой ответственности, и по праву.

Орлов поморщился. Было видно, что визит таинственной дамы ему самому пришлось не по вкусу. Однако и отправить ее в районный отдел полиции, а уж тем более к участковому он не может.

– В общем, ребята, дело в том, что дама не из простых... – начал объяснять генерал.

– А простые к нам не ходят, – проворчал Крячко, прерывая его.

– Станислав, ты, конечно, человек понимающий – недаром до полковника дослужился, – усмехнулся Орлов, – и поэтому понимаешь, что просто так послать я ее не могу. А посему поговорите с ней лично.

Крячко и Гуров переглянулись, и во взглядах обоих одновременно выразились досада и злость. Такое хорошее майское утро не предвещало ничего особо хорошего.

Генерал Орлов ввел в кабинет невысокую брюнетку лет тридцати пяти-сорока, с густой короткой челкой, закрывающей лоб, и официально представил ее:

– Это – Крайнова Наталья Николаевна.

Брюнетка была одета в достаточно легкое, но в то же время пахнущее внушительной ценой платье. И от нее самой пахло внушительно – в смысле, какой-то дорогой парфюмерией. Ни Гуров, ни тем более Крячко в ней не разбирались, но духи дамы прямо-таки вопили о своей дороговизне.

– Присаживайтесь, – указал ей на стул Лев.

Крячко сидел за своим столом чуть поодаль и по своему обыкновению рассматривал женщину слегка настороженно и скептически.

– Итак, у вас пропала дочь, – начал Гуров, и Крайнова тут же с жаром нервно подтвердила:

– Да! Сегодня, когда я приехала за ней в лицей, ее не оказалось на месте!

Лев посмотрел на часы. Было всего около двенадцати. Интересно, через сколько минут ожидания эта дамочка в поисках своей дочери кинулась на Петровку?

– Во сколько это случилось?

– В десять, – ответила Крайнова.

– Что, так рано заканчиваются занятия? – удивился он.

– У нее консультация была, на носу ЕГЭ, – несколько раздраженно произнесла Наталья Николаевна. – Она учится у нас в лицее общественных наук.

– Это в районе Владыкино? – подал неожиданно голос из угла кабинета Крячко.

– Нет, это в районе Сокола, лучшая в этом смысле школа в Москве, – поправила его Крайнова с оттенком даже, как показалось Гурову, некоей брезгливости не то к полковнику Крячко, не то к району Владыкино.

– Хорошо, хорошо, – сделал он успокоительный жест, бросив на Станислава взгляд, как бы призывающий его пока не вмешиваться. – Давайте все по порядку. Вы приехали за дочерью в лицей, а ее на месте не оказалось.

– Да, хотя я всегда приезжаю за ней и забираю ее домой.

– А живете вы где?

– В коттеджном поселке Бутинино, – с ударением на последнем слогте ответила Крайнова.

Гуров кивнул в знак того, что он понял, но Крайнова решила лишний раз это подчеркнуть.

– В Бутинино, понимаете?! – пристально посмотрела она в глаза полковнику. – И поэтому я пришла к вам.

– Вы думаете, что вашу дочь похитили?

– А что же, по-вашему, произошло?! – всплеснула руками Наталья.

– Ну, она могла пойти куда-нибудь с подружками и забыть о том, что вы должны ее забрать – раз, могла уйти с молодым человеком – два, и, наконец, просто сбежать – три, – спокойно выложил не очень приятные для Крайновой версии Гуров.

– Сбежать?! – вылупила глаза Наталья Николаевна. – Зачем?

– Она находится в таком возрасте, когда дети стремятся противостоять родителям и старшим, – спокойно парировал Гуров. – И повод для этого может быть любым. Кстати, у вас не было конфликтов с дочерью вчера или на днях?

– Да вы что?! – по-прежнему на повышенных тонах воскликнула Крайнова. – Никаких конфликтов не было, у нас замечательная семья!

– Кстати, а муж ваш чем занимается? Вы уже звонили ему? – подал голос из угла Крячко.

Крайнова на несколько секунд замолчала, потом медленно повернулась к нему:

– Нет, не звонила... Понимаете, у него очень ответственная работа, поэтому я решила его не беспокоить.

«Зато побеспокоила нас», – подумал Гуров довольно неприязненно. Что-то в Крайновой ему категорически не нравилось, хотя полковник не мог внятно объяснить, что именно. Несмотря на то что за годы службы Лев воспитал в себе привычку относиться к клиентам отстраненно и не включать личные симпатии или антипатии, сейчас он испытал именно такое чувство. Впрочем, оно было мимолетным, и Гуров спросил:

– Вы наверняка говорили с подружками вашей дочери в лицее?

– Я встретила только Иду Андроникян, Вероника в основном с ней дружит. Но та сказала, что после консультации не видела ее. Я, конечно, сразу набрала номер дочери, но он уже был недоступен.

Гуров переглянулся с Крячко. Да, все происходит точно по схеме – человек исчезает, и тут же номер его телефона перестает реагировать на входящие.

– Ну а никаких звонков вам не поступало, Наталья Николаевна? С требованием выкупа, например? – спросил как можно более вежливо и даже ласково Гуров.

– Выкупа?! Нет! Вы что, предполагаете...

– Мы всегда предполагаем самые разнообразные варианты того, что случилось. Значит, вам никто не звонил. А прошло почти три часа. Кстати, не исключено, что еще позвонят. Давайте сразу проверим еще одну версию, достаточно распространенную, – предложил Лев. – Девочка, я так понимаю, уже довольно взрослая, выпускной класс. Поэтому вопрос – у нее был молодой человек?

– Нет, не было, – процедила сквозь зубы Крайнова с таким видом, словно этот вопрос оскорбил и ее, и ее дочь.

– Что, совсем никого? – снова подал голос Крячко.

– Ну, вообще-то был, только они не встречались, – махнула рукой Наталья. – Просто некий парень из неблагополучной семьи ухаживал за ней, но она ему явно не пара, так что даже не думайте насчет этого.

– Не пара так не пара, – равнодушно прокомментировал Крячко. – Все равно все нужно проверить.

– Значит, так, Станислав, давай-ка, что называется, по коням, – поднялся со своего места Гуров. – Я вместе с Натальей Николаевной в Бутинино, а ты – в лицей. Узнай там насчет камер наблюдения, с учителями поговори... ну и вообще, сориентируешься по ситуации.

Крячко вздохнул и, не будь в кабинете Крайновой, наверняка высказал бы массу нелицеприятного по поводу этой ситуации, самой клиентки и генерала Орлова, который загружает их, не последних офицеров в системе МВД Москвы, «всякой хренью», причем сделал бы это смачно и довольно убедительно. Хотя по своему опыту Лев знал, что иногда из «всякой хрени» рождались весьма запутанные расследования, которые выводили на нечто более важное и более соответствовавшее их с Крячко статусу. Как будет на этот раз, можно было только предполагать.

– Да, и сделай запрос на биллинг телефона, – добавил Гуров и продиктовал номер Вероники Крайновой. – Может, на этом все и закончится.

– Зачем тогда в поселок и лицей ехать? – пожал плечами Крячко, но Орлов, скромно помалкивавший до этого момента в углу кабинета, бросил на него столь выразительный взгляд, что Станислав сразу почувствовал, как в воздухе замаячил новый запах. Это был запах лишения премии, поэтому Крячко предпочел оставить свои сомнения при себе.

– Ну вот что, Стас, – после недолгого раздумья произнес Лев. – Я сейчас все-таки поеду в коттеджный поселок Бутинино. А ты давай-ка, отправляйся в лицей, а потом – к этой самой подружке, Иде Андроникян.

– Е-мое! – воскликнул Крячко, кинув взгляд на бумажку с адресом, которую дал ему напарник. – Это ж у черта на рогах!

– Стас... Только не говори мне, что ты снова без машины! – процедил Лев, сверля его взглядом.

За Крячко водилась такая особенность, он порой приходил на работу в Главк пешком, оставляя машину дома. Причин тому находилось множество: то в ней банально что-то сломалось (самая частая причина), то Станислав забыл «переобуть» летнюю резину на зимнюю и наоборот, то он вдруг решил рьяно проявить заботу о своем здоровье и ходить пешком. К слову сказать, ходить пешком Крячко действительно любил, хотя при этом постоянно клял то погоду, то плохие дороги, то дрянную китайскую обувь, которую сбивал на них до дыр, хотя на покупке именно этой обуви настаивал сам по причине ее дешевизны.

Гуров подозревал, что на самом деле Станислава душит жаба тратить деньги на бензин, а также не дает покоя желание побереечь свою «ласточку», которую он купил лет двадцать назад и категорически отказывался менять на что-то более современное, прикипев к ней всей душой. Оказавшись на службе без машины, он в случае необходимости – а необходимость такая выпадала нередко – пользовался служебной. Но случались экстренные ситуации, когда свободных машин просто не было, и Гуров в такие минуты готов был придушить Крячко, о чем неоднократно ему сообщал в самых резких выражениях. Сегодня, правда, можно было бы разжиться и служебным автомобилем, тем не менее Гурову было бы спокойнее знать, что Крячко на своем «железном коне».

Словно прочитав мысли друга, Крячко тут же заявил:

– О чем речь, Лева!

– Ты хочешь сказать, что Бутино ближе? Ради бога, можем поменяться. Езжай туда вместе с мадам, – понизив голос, сказал Лев и кивнул в сторону двери, возле которой нетерпеливо постукивала тонкой шпилькой Наталья Николаевна, поминутно посматривавшая на часы с золотым браслетом и явно недовольная тем, что сыщики очень медлят.

– Нет, нет! – тут же замахал руками Крячко и проворно вскочил со стула. – Я лучше в лицей, а потом к Андроникян! Тем более что фамилия такая хорошая, располагающая!

– Это армянская фамилия, – снисходительно подала голос от дверей Крайнова.

– Что вы говорите! – притворно удивился Крячко. – Ну надо же, ни за что бы не догадался!

Наталья бросила на него неодобрительный взгляд, подозревая, что Крячко смеется над ней, и со значением добавила:

– Я прошу вас учесть, что это уважаемые люди! Так что, пожалуйста, проявите все свое... Всю свою... Одним словом, понимание!

– Не сомневайтесь, голубушка! – кивнул Крячко. – Уж с чем, с чем, а с пониманием у меня проблем нет. Это вон и Лев Иванович подтвердит, а он у нас как-никак лучший сыщик столицы!

Крайнова с сомнением перевела взгляд с Крячко на Гурова, подавила вздох и требовательным тоном произнесла:

– Ну так что, мы едем?

– Едем, едем, – поднимаясь, проворчал Крячко. – В далекие края...

Уже находясь в машине, Гуров получил результаты биллинга. Они оказались стандартными для такой ситуации – телефон был выключен сразу после десяти утра, то есть после окончания консультации перед экзаменами, а местонахождение самого телефона локализовалось в районе школы. Следуя логике, выходило, что из телефона сначала вынули сим-карту, а потом сам аппарат просто выкинули. А это означало, что Вероника Крайнова действительно была похищена злоумышленниками, которые приняли опять же стандартные в таких случаях меры предосторожности.

Гуров, однако, не стал сообщать обо всем этом сидевшей рядом с ним Наталье Николаевне. Она и так находилась в состоянии крайней нервозности. Ехал же полковник в коттеджный поселок с вполне определенными целями – осмотреть комнату девушки и ее компьютер.

Коттеджный поселок Бутино являл собой обычное для Подмосковья скопище двухэтажных домов, обнесенных забором и оснащенных контрольно-пропускным пунктом. Лев не стал показывать свое удостоверение, а кивнул Крайновой, чтобы она на правах постоянного жителя поселка переговорила с охраной, и служебную машину пропустили. Вскоре она остановилась у коттеджа с вычурной башенкой сбоку.

– Мы недавно здесь живем, – со вздохом проговорила Крайнова, – но, кажется, что уже очень долго, привыкли быстро... Хотя для этого пришлось потратить кучу всего!

Гурову показалось, что она была крайне горда этим обстоятельством. «Куча всего» – это, конечно, в первую очередь деньги, и, скорее всего, деньги ее мужа.

«Кстати, неплохо было бы все-таки выяснить, чем занимается ее супруг», – подумал он, укорив себя за то, что до сих пор этого не выяснил.

Крайнова пригласила полковника войти, хотя тот обошелся бы и без приглашения, поскольку прибыл сюда не в гости. Внутри коттеджа все было так, как и должно быть в домах людей подобного статуса. Довольно вычурные элементы интерьера – лепнина, масса украшательств на перилах лестниц, кожаные диваны, картины на стенах и даже что-то наподобие древнегреческих скульптур.

– Ну, показывайте, где комната Вероники, – сказал Гуров.

– Пойдемте на второй этаж, – кивнула ему Наталья Николаевна.

Они поднялись на второй этаж и через одну из боковых дверей вошли в довольно просторную комнату, в которой, как показалось Гурову, было совсем мало мебели для такой площади – стол с компьютером, кровать и шкаф. Глазу зацепиться было совершенно не за что. Ничего, что указывало бы на увлечения девушки, тут не наблюдалось. Возможно, все крылось в компьютере – современные дети живут больше виртуальной жизнью, а реальные предметы для них не играют такой роли, как, например, во времена юности самого полковника Гурова.

Комната была напрочь лишена уюта. Возможно, из-за излишней, по мнению полковника, площади и пустоты, делавшей ее похожей на какой-то холл в официальном заведении, а также из-за отсутствия всяких милых штучек, безделушек, сувениров и картинок, отражающих индивидуальность жильца. Безликая комната. И такой же безликой пока что была для полковника и ее обитательница.

Гуров сел за стол, нажал на кнопку и включил компьютер. Пока загружался Windows и всякие приложения, он вполуха слушал Крайнову, которая что-то вещала по поводу того, где и как она занималась отделкой своего дома, – полковнику эти подробности были малоинтересны. Наконец компьютер загрузился, и Лев вышел на экспресс-панель «Оперы». В первую очередь его интересовали социальные сети и электронная почта. С почтой все получилось сразу же, никаких паролей не понадобилось. Однако в самих письмах ничего интересного полковник не нашел. Это был либо откровенный спам, либо какие-то письма, что называется, по делу – в основном задания из лица и по ЕГЭ то ли от репетиторов, то ли от одноклассниц. Чуть большее внимание Гурова привлекли письма от Иды Андроникян, уже упоминавшейся девочки, являвшейся вроде как лучшей подругой Вероники. Но и тут ничего особенного не обнаружилось – содержание писем касалось лишь школьных занятий, так что надо было входить в социальные сети.

Гуров вышел в поиск «Гугла» и набрал в поисковой строке сочетание «вконтакте Вероника Крайнова Москва». Поиск дал сразу несколько результатов, и второй из них, что называется, попалал «в нишу» – возраст владельца аккаунта 16 лет и, главное, фото, характерное для подростков – не реальное, а заимствованное откуда-то из Интернета, изображавшее девочку с каким-то жутким макияжем на лице на фоне летающих птиц и каких-то фантастических существ. Гурова привлек также так называемый «статус» – фраза, характеризующая хозяина страницы. В данном случае это было: «Все достало... Задыхаюсь... Не хватает воздуха».

Полковник покосился на Наталью Николаевну, которая зачем-то бросилась прибирать вещи дочери, запихивать их в шкаф и раскладывать по полкам.

– Наталья Николаевна, подойдите, пожалуйста, – позвал Лев хозяйку.

– Да-да, – с готовностью откликнулась Крайнова.

– Это ваша дочь? – спросил он, указывая на монитор.

– Да нет, конечно! – воскликнула Наталья Николаевна, посмотрев на аватарку. Потом пробежала глазами по тому, что было написано на странице, на лице ее отразилось сначала удивление, следом сомнение, и в конце концов она сказала: – Ну да, похоже, что это она.

– Пароль для входа в переписку вы знаете?

Крайнова медленно покачала головой и прикусила губу.

– Понятно, значит, я забираю системный блок с собой, – тут же отреагировал полковник. – Я не такой большой специалист, чтобы вскрывать аккаунты, – объяснил он.

– А без вскрытия этих...

– Аккаунтов, – подсказал Гуров. – Нет, без них нельзя. Мы должны понять, с кем она контактировала, что за отношения были...

– Да какие у нее отношения! Она же школьница!

– Отношения разные могут быть, – пожал плечами Гуров. – Вот она пишет: «Меня все достало», – указал он на «статус» страницы. – Это она о чем?

– Да что ее могло достать?! – нервно заломила руки Крайнова. – Ерунда просто! Подростковые рисовки! У нее все было, никаких проблем. Учится хорошо, подружки есть, все нормально.

– Тем не менее...

Крайнова нахмурила брови и как-то осуждающе посмотрела на Гурова:

– А зачем вам это все?! Вы ищите ее! Ищите! При чем тут компьютер и все эти сети? Как они могут помочь? Вы что, не можете найти человека? Я все-таки обратилась к лучшим, как я думаю, сыщикам в Москве. На Петровку!

– Было бы самонадеянным сказать, что я, полковник Лев Гуров, – лучший сыщик в столице, – спокойно парировал Гуров. – Но мы ее, скорее всего, найдем. Просто сделать это в течение двух часов весьма сложно.

– Но ведь говорят, что легче всего найти по горячим следам, поэтому я и поехала прямо к вам! – выкрикнула Крайнова.

– По «горячим следам» уже не получилось, – ответил Гуров, не став вдаваться в подробности про биллинг телефонов и отключая компьютер.

Он набрал номер водителя, ждавшего внизу, и попросил его подняться и забрать системный блок. В этот момент на первом этаже раздался мелодичный звонок, и Крайнова, нахмурившись, покачала головой и пошла вниз. Гуров последовал за ней. Наталья Николаевна открыла дверь, и Гуров, к своему удивлению, увидел не знакомую ему женщину с длинными прямыми волосами, за спиной которой маячил водитель, вызванный полковником, чтобы забрать системный блок.

– Привет, Наташ! – сказала женщина, переступая порог дома.

– Ой, Дина! – поморщилась Крайнова. – Ты, похоже, не вовремя...

В ответ Гуров услышал нечто неразборчивое, после чего Наталья посторонилась и пропустила посетительницу в холл. Вслед за ней туда же вошел и водитель, которому полковник указал на лестницу, чтобы тот поднялся и забрал компьютер. Водитель молча стал подниматься на второй этаж, а Крайнова вопросительно взглянула на полковника, явно ожидая от него дальнейших действий. Взгляд ее красноречиво утверждал, что действия эти должны быть решительными, немедленными, а главное, эффективными. При этом Наталья все время косилась на прошедшую в холл женщину, которую назвала Диной. Ее скорее можно было назвать девушкой: она выглядела совсем молодой, стройной, в короткой черной кожаной юбке и обтягивающей блузке. Судя по тому, как уверенно двигалась по дому Дина, здесь она бывала часто. Гостья присела на стул перед столом, достала из сумочки сигареты и закурила, стряхивая пепел в блюдце.

– Дина, я же просила тебя не курить здесь! – поморщившись, произнесла Крайнова. – Знаешь же, что Эдик не любит этого.

– Так его же дома нет! – беспечно ответила Дина, закидывая ногу на ногу и с любопытством бросая взгляды на Гурова. При этом ее короткая кожаная юбка чуть задралась, обнажая бедро, причем сделано это было явно намеренно.

Полковник, в свою очередь, тоже с любопытством посматривал на Дину, однако избегал пока к ней обращаться. Вместо этого он обратился к Крайновой:

– Наталья Николаевна, проверьте, пожалуйста, у вас дома все на месте?

– Что вы хотите этим сказать? – округлила глаза Крайнова, а вслед за ней на полковника с удивлением и все возрастающим интересом взглянула и Дина.

– Я хочу сказать, – терпеливо пояснил Гуров, – чтобы вы проверили, все ли вещи лежат на своих местах, а в особенности – деньги и ценности.

На лице Крайновой начали проступать красные пятна – она явно была растеряна и в глубине души даже возмущена, однако присутствие Дины помешало ей горячо возразить полковнику или заявить, что это оскорбление, и она молча стала подниматься по лестнице наверх.

А Дина явно чувствовала себя как дома. Докурив сигарету, она поднялась, потянулась и направилась к резному серванту. Открыв стеклянную дверцу, достала оттуда бутылку коньяка и две рюмки.

«Интересно, кто она такая? – подумал Лев. – Родственница? Близкая подруга? Уж очень по-хозяйски себя здесь ведет, к тому же знает, где что лежит, а также распорядок дня домоладцев».

От него не укрылось, что эта особа не слишком-то приятна Наталье и, наверное, даже надоедает ей. Уже успев познакомиться немного с характером Крайновой, он не сомневался, что не вовремя заглянувшую подругу Наталья решительно выставила бы вон – разумеется, обставив это с вежливостью, подобающей приличным людям. Дину же она терпела, и полковник решил, что, скорее всего, это родственница ее мужа, с которой Наталья избегает говорить резко, чтобы не испортить отношений с ним самим.

Гуров уже более внимательно посмотрел на нее и понял, что ошибся, приняв Дину за юную девушку. Сбили с толку ее одежда и худощавая фигура, а также какая-то беспечность в поведении, свойственная юности.

На самом деле Дина представляла собой женщину средних лет, довольно симпатичную, с бледным лицом и черными прямыми волосами, ровными прядями падающими на щеки. Прическа ее выглядела стильно и была явно выполнена профессионалом. Одежда тоже была дорогой, но при этом Гуров не мог не отметить налет некоей потрепанности. К примеру, он обратил внимание на то, что костюм вышел из моды несколько лет назад, туфли местами уже потерлись, а большущая дырка на колготках, обнажившаяся на пятке, и вовсе оставляла удручающее впечатление. Вокруг глаз пролегли морщинки, уголки губ были опущены – увы, полковник наблюдал унылую пору увядания, столь безжалостную по отношению к любой женщине.

Дина тем временем разлила коньяк, взяла обе рюмки и с улыбкой протянула одну полковнику:

– Прошу вас!

Гуров отрицательно покачал головой.

– Как? – На лице Дины отразилось безмерное удивление.

– Не хочу, – просто пояснил полковник, чуть улыбнувшись в ответ. – К тому же мы с вами не знакомы.

– Так давайте и выпьем за знакомство! – обрадовалась Дина и почти насильно всучила полковнику рюмку. – Дина! – кокетливо представилась она.

– Лев! – коротко ответил Гуров, пряча улыбку. Его явно забавлял этот диалог и сама эта сцена.

– Ух, как страшно! Какое грозное имя! – воскликнула Дина, притворно поеживаясь, и одним махом опрокинула в себя рюмку.

Потом снова устремила взгляд на полковника, увидела, что он так и не пригубил, и, обиженно оттопырив губу, протянула как ребенок:

– А вы, я вижу, не очень-то рады знакомству со мной!

– Да что вы! Я как раз очень рад, – поспешно ответил полковник. – Просто в силу некоторых обстоятельств сейчас это несвоевременно.

– А, понимаю! – мотнула головой Дина. – Вы за рулем!

– А вы, наверное, нет.

– Ошибаетесь, я тоже за рулем, – снова проявила беспечность Дина. – Я без машины никуда. На чем еще сюда доберешься? Не ближний свет!

– То есть вы живете внутри МКАДа? – спросил Гуров.

– Да, в районе Филей, – простодушно ответила Дина, тут же наполняя следующую рюмку.

На сей раз она уже не приглашала Гурова составить ей компанию, да и компания эта ей, по сути дела, была совсем не нужна – Дина прекрасно обходилась без нее. Она выпила еще одну порцию коньяка, пробормотав себе под нос: «Ваше здоровье!» Язык ее уже слегка заплетался.

«Дамочка, похоже, крепко закладывает за воротник, – подумал Лев. – Пьет, по всей видимости, регулярно, о чем свидетельствуют темные круги под глазами и не очень свежий цвет лица».

– А не боитесь, что вас остановят за езду в нетрезвом виде? – поинтересовался он.

– И что? – с непонятым вызовом спросила Дина.

– Прав лишат, – спокойно отозвался полковник.

– Ой, страшно, аж жуть! – пьяным голосом пропела Дина и громко расхохоталась. – У меня в ментовке полно друзей! И не только в ментовке. Я вообще человек дружелюбный!

– Приятно слышать, – усмехнулся Лев.

– А вы что, сомневались? – вскинула брови Дина.

– Нет,нисколько. Вы и с Крайновыми дружите?

– С Наташкой? Да уж лет десять как! Это же, можно сказать, благодаря мне она так живет, – с гордостью произнесла Дина, обводя взглядом холл и под словом «так» подразумевая финансовое положение Крайновой. – Да если бы не я! Я вообще человек добрый. Ради друзей в лепешку расшибусь! У меня знаете какие друзья? Я...

Дальше последовало обычное пьяное хвастовство, в котором Дина проинформировала Гурова о том, что в друзьях у нее «ого-го кто!», что ее ценят, уважают, с ней считаются самые уважаемые люди и тому подобное. При этом, правда, эти откровения были лишены какой бы то ни было конкретики, все ограничивалось таинственными намеками и вздергиваниями вверх указательного пальца. Полковник слушал вполуха, его сейчас гораздо больше интересовали результаты поисков Натальи.

А вскоре появилась и она сама. Вид у нее был озабоченный, и Гуров, поняв, что уши Дины – не самые подходящие для их беседы, последовал к лестнице, по которой спускалась хозяйка дома. Бросив на Дину настороженный взгляд, Наталья тихо произнесла:

– Нет, что касается денег и ценностей – ничего у нас не пропало. Не хватает только плеера с наушниками – он лежал обычно у Вероники на столе, а сейчас его нет. В школу она его не брала... Это все, что я заметила.

– Хорошо, я вас понял, – кивнул полковник и направился к выходу. – Мы сделаем все возможное, – уже стоя в дверях, заверил он Наталью. – Мой напарник работает в школе, мы проверим телефоны – в общем, сделаем все необходимые вещи для таких случаев. Если будет что-то новое, я вам позвоню. Пожалуйста, будьте на связи...

– Да я постоянно на связи! – повысила голос Крайнова.

– Если вам кто-то позвонит насчет дочери или вдруг Вероника объявится сама – тоже сразу звоните нам, – сказал Гуров и решительно вышел за дверь.

Глава вторая

Перед Станиславом Крячко стояли две задачи: посещение лица, в котором училась Вероника Крайнова, и беседа с ее подругой Идой Андроникян. Хотя, возможно, после визита в лицей круг дел мог бы и расшириться благодаря новым, выясненным там обстоятельствам. Например, могло стать известно, что у Вероники есть и другие подруги, о которых ее матери ничего не известно, или что она проболталась кому-то о том, куда собирается после школы. Словом, много чего могло быть. Станислав не любил беспредметно строить предположения, поэтому решил действовать по ситуации и разбираться на месте.

По дороге он включил планшет, набрал в поисковике «Москва лицей № 1683» и выяснил, что директором сего заведения является Макарова Стелла Эдуардовна. С главной страницы сайта лицея лучезарно улыбалась женщина бальзаковского возраста, с крашенными в платиновый цвет волосами и стильной стрижкой. Крячко к подобного рода стилю относился несколько настороженно, предпочитая что попроще и понятнее. Он сразу определил, что с этой бабенкой надо действовать решительно, с напором, поскольку она явно будет полностью отрицать хоть малейшую возможность причастности возглавляемого ею учреждения к исчезновению ученицы, снимая с себя таким образом всю ответственность.

На сайте утверждалось, что лицей является одним из флагманов столичного среднего образования. Но Крячко воспринял эту информацию по-своему. Он прекрасно знал, что огрехи и нарушения можно найти даже в самом образцовом заведении, было бы желание, и образцовость определяется только тем, насколько искусно эти огрехи замаскированы. Поэтому он уже выработал тактику поведения и к лицейю подъезжал подготовленным.

Подъехав к входу, Станислав обратил внимание, что у лицея довольно пустынно. Рядом была припаркована всего парочка машин. Это было неудивительно, поскольку занятия уже закончились и шла предэкзаменационная пора, которая касалась только старшеклассников, да и те уже разъехались по домам. Крячко приткнул машину возле серебристого «Ниссана» и двинулся к дверям. Перед ним сразу же вырос мускулистый охранник в черной униформе с незатейливой надписью «ОХРАНА».

– Куда? – односложно осведомился он.

– К Стелле Эдуардовне, – буркнул Стас, доставая свое удостоверение.

Охранник пару раз перевел взгляд с фотографии Крячко на его реальное лицо, с особым подозрением осмотрев его растянутую сине-белую футболку с несколькими пятнами на груди, которые Станислав умудрился посадить, когда утром пил перед Главком холодный квас.

Крячко, не церемонясь, отодвинул плечом охранника и прошагал к лестнице. Боковым зрением заметив, что охранник потянулся к телефону, он хмыкнул и продолжил свой путь. Расположение директорского кабинета было ему известно из сайта лицея. Подойдя к двери с нужной табличкой, Стас потянул ручку на себя и вошел в кабинет.

– Здравствуйте! Полиция, главное управление МВД, полковник Крячко, – сразу же представился он казенной скороговоркой, подходя к столу, за которым сидела Стелла Эдуардовна.

Она выглядела точь-в-точь как на фотографии, только глаза были скрыты за солнцезащитными очками.

– А почему без стука? – с легким удивлением осведомилась директор.

– А вас разве не предупредили? – Крячко подобными наездами было не пронять. – Сто-рож при мне звонил. Кстати, почему у него на форме отсутствует логотип фирмы? Или вы с улицы охранников набираете? У него лицензия-то имеется?

Стелла Эдуардовна покраснела и с раздражением ответила:

– Лицензия у него есть. И вообще, у нас лучший лицей в Москве.

– Да это понятно, – махнул рукой Крячко. – Директриса лица, в котором моя дочь учится, на каждом родительском собрании то же самое говорит.

Макарова сняла очки и пристально всмотрелась в посетителя:

– Постойте, я не поняла... Вы по какому вопросу сюда пришли?

– Как по какому? – настал черед удивляться Крячко. – У вас ученица пропала.

– А... – как будто даже с облегчением кивнула Стелла Эдуардовна. – Просто вы задаете такие вопросы, не относящиеся, на мой взгляд, к делу... что я подумала, будто вы из какой-то проверяющей организации. Хотя странно, при чем тут полиция?

– Обычные вопросы, – пожал плечами Станислав. – Мне же нужно понять, что в вашем лице творится, – все же девчонка из него исчезла.

– Так, минуточку, – постучала остро заточенным карандашом по столу директриса. – Во-первых, неизвестно, из лица ли она исчезла. Во-вторых...

– Стелла Эдуардовна, – перебил ее Крячко, – я прекрасно понимаю, что вам совершенно не хочется нести ответственность, но я вам обрисую ситуацию. Девочку привезли в лицей на занятия...

– На консультацию, – машинально поправила его Макарова.

– Это не важно, – отмахнулся полковник. – Суть в том, что, когда ее приехали забирать, девочки в лицее не оказалось. Так что, как ни крути, а ответственность-то на вас. И вот что я хочу вам втолковать: чем быстрее она найдется, тем быстрее закончатся ваши неприятности. Поэтому вам прямой резон говорить со мной откровенно и начистоту.

– А я что, разве солгала вам в чем-то? – попробовала разыграть возмущение Макарова, но Крячко сроду не велся на подобные манипуляции.

– Нет, – ответил он. – Но и правды вы говорить не намерены. Вы сейчас будете отделываться общими фразами, пустыми формальностями и тыкать мне в лицо всякие дипломы и награды, которые имеет ваш лицей. А мне эти дипломы, прямо скажу, по барабану.

Макарова вздохнула и опустила глаза. Несколько секунд она нервно стучала пальцами по столу, обдумывая слова Крячко, а потом, видимо, мысленно признав его правоту, произнесла:

– Хорошо, но что вы конкретно от меня хотите?

Крячко не успел ответить, потому что у директрисы зазвонил сотовый телефон. Станислав отметил, как она слегка поморщилась, увидев имя звонившего. Нервно поправив прическу, Макарова нажала кнопку соединения и проговорила:

– Слушаю.

В трубке сразу же зазвенел женский голос, он лился несколько секунд, в течение которых директриса была вынуждена лишь слушать, подавляя досаду и нетерпение и изредка вставляя: «Да... Да... Конечно». Наконец женский голос захлебнулся и умолк, и Стелла Эдуардовна смогла ответить:

– Да, Наталья Николаевна, не волнуйтесь, все под контролем. Я как раз беседую с полковником полиции.

Крячко уже понял, что звонит Крайнова. Видимо, они с Гуровым успели добраться до коттеджного поселка, хотя ехать туда было значительно дальше, чем до лица. Гуров, по всей вероятности, занялся своими прямыми обязанностями, то есть осмотром дома, а Крайнова, будучи дамочкой неуравновешенной, не могла спокойно сидеть на месте и решила, непонятно зачем, потерзать директрису. Она постоянно перебивала ее, вставляя какие-то свои эмоциональные реплики, и Стелле Эдуардовне стоило большого труда сохранять хладнокровие.

Наконец директрисе удалось завершить разговор, она с облегчением выдохнула и посмотрела на Крячко несколько рассеянно, совершенно забыв, о чем они говорили до звонка.

Крячко сверлил ее таким выразительным взглядом, что она тут же очнулась:

– Да, так что вы хотели?

– Стелла Эдуардовна, вот вам наглядное подтверждение моей правоты. Вы же понимаете, что эта Крайнова в случае чего живого места не оставит ни от вас лично, ни от вашего лица. Поэтому давайте приложим максимум усилий и сообща вернем ей дочь, чтобы она уже успокоилась.

– Ага, успокоилась! – воскликнула вдруг Макарова и отшвырнула карандаш. – Успокоится она, как же! И так уже все нервы вымотала – то оценки у ее дочери не те, то одноклассники, то педагоги! И главное – всегда лицом виноват. И вы вот туда же! Вся ответственность на нас – на ком же еще! А мы тут при чем? Знаете, как бывает – уходит ученик из лица, по дороге с ним что-нибудь случается, а весь спрос с нас. Как будто мы обязаны каждого ребенка до дома провожать! Вот, например, в прошлом году случай был – девочка уже к дому подходила, но дорогу перешла не на переходе, а на середине квартала, и чуть не попала под машину. И к кому, вы думаете, все претензии – конечно же, к нам! Знаете, чего мне стоило замять этот скандал? Слава богу, хоть там родители адекватные были. Или вот еще случай...

– Я понимаю, понимаю, – кивнул Крячко.

У директрисы от напряжения, в котором она находилась с утра, сдали нервы. Она уже не могла играть роль безупречного руководителя безупречного лица. Это был хороший для Крячко момент, и сейчас нужно было брать быка за рога, пока Макарова на время стала сама собой. Только действовать нужно не нахрапом, а совсем по-другому.

Станислав с сочувствием посмотрел в глаза собеседницы и с грустью кивнул:

– Достала вас Крайнова, да?

– Да дальше некуда! – не сдерживая раздражения, выпалила Стела Эдуардовна. – Откровенно вам скажу – неприятная дамочка. Из тех, которым все обязаны непонятно почему и непонятно за что.

– И девчонка такая же?

– Нет, про Нику я бы так не сказала. Она, наоборот, девочка тихая, скромная, хотя, как мне кажется, себе на уме. Знаете, молчит-молчит, а потом – раз и... – Макарова не договорила.

– Что «раз и»? – вцепился Крячко. – Что, было уже что-то?

– Нет-нет, – тут же пошла на попятную директриса. – Никаких инцидентов. Просто я по образованию психолог и могу сказать, что Вероника из тех, кто, несмотря на внешнюю скромность и застенчивость, вполне способен отстаивать собственные интересы.

– А в чем ее интересы заключаются?

– Каких-то явных нет. Девочка вполне обычная, средних способностей и, в отличие от матери, ей особенно и не нужны эти пятерки, за которыми та так гоняется. Она по натуре домашняя, ей бы после школы удачно замуж выйти, а мать все блестящее будущее ей пророчит, заставляет заниматься тем, к чему у нее ни желания, ни талантов.

– То есть, Стелла Эдуардовна, если тихая домашняя девочка внезапно исчезает из лица, значит, кто-то ей в этом помог, – сделал вывод Крячко и вопросительно посмотрел на директрису.

– Что вы! – испуганно воскликнула Макарова. – Вы хотите сказать, ее кто-то похитил?

– Я пока строю версии и стараюсь выдвигать самые правдоподобные. Во сколько закончилась консультация?

– В одиннадцать.

– Вероника вышла вместе со всеми?

– Этого я не знаю, нужно спросить у преподавательницы, которая проводила консультацию.

– А что, мамочка Крайнова разве не вытрясла из нее всю душу?

– Нет, – усмехнулась Стелла Эдуардовна. – Она ее вытрясла из меня. Просто Ольга Леонидовна уже ушла к тому времени, как Крайнова появилась в школе и начала задавать вопросы,

где ее Вероника. Никто толком ничего сказать не смог, и она умчалась, разумеется, пригрозив всяческими карами.

– Так, а почему преподавательница покинула лицей так рано? – нахмурился Крячко.

– Потому что ей сегодня больше нечего было делать. Она провела свои часы и имела полное право уйти, – принялась с жаром защищать свою сотрудницу, а заодно и себя, директриса.

– Но вы вызвали ее?

– Нет. Я же не знала, что вы придете.

– Я вам удивляюсь, – вздохнул Стас. – Такое впечатление, что вы сами пытаетесь отодвинуть по времени поиски пропавшей Вероники. Или вы хотите, чтобы и полиция из вас всю душу вытрясла? Что вы смотрите – звоните, пусть приезжает.

Директриса закивала и взялась за телефон. Когда она закончила разговор, Крячко задал очередной вопрос:

– В каком кабинете проводилась консультация?

– В двадцать третьем.

– Пойдемте посмотрим, – встрепенулся Станислав и быстро поднялся.

Директриса взяла из шкафчика на стене ключ, и они вместе отправились осматривать комнату.

– Какой предмет-то был? – любопытствовал Крячко.

– Обществознание, – озабоченно ответила Макарова.

– А у Вероники как с обществознанием? Может, она боялась, что на двойку сдаст?

– Ну этого они все боятся. Нет, у нее вполне хорошие шансы. Уж на четверочку сдала бы, если, конечно, не разволновалась бы – она девочка впечатлительная, в девятом классе, например, на итоговом экзамене по математике чуть сознание не потеряла, хотя знала все прекрасно – пришлось ей в другой день пересдавать.

– Так... – Крячко вдруг замедлил шаг и испытующе посмотрел на директрису: – А вы вообще школу-то осматривали?

– В каком смысле? – растерялась Макарова. – В классе смотрели, в гардеробе... Но он и не работает в такое время.

– А ну-ка, пойдемте, – тут же сменил траекторию их движения Крячко.

– Куда? Зачем? – не поняла Макарова.

– Помещения осматривать, – не выдержав, рявкнул полковник. – Может, она валяется где-нибудь...

– Но сейчас же не экзамен, а только консультация!

– Слушайте, вы как будто меня уговариваете, что ничего не случилось, – еле сдерживаясь проговорил Стас. – Пойдемте, раз она такая впечатлительная, то могла и на консультации в обморок грохнуться – к тому же вон жарница какая, я и сам на ногах едва стою.

– Ну и где же мы будем смотреть?

– Да везде, – буркнул Крячко. – А вы звоните охраннику – пусть он первый этаж осматривает.

Лицей, по счастью, был небольшой, и его осмотр не должен был занять много времени. К тому же Макарова, непонятно почему ободренная версией Крячко, быстро сориентировалась и сама повела его сначала в столовую, а потом к женскому туалету, сообщив на ходу, что в кабинеты можно не заходить, потому что они стоят запертыми со вчерашнего дня. Женский туалет располагался на первом этаже, где им навстречу шел охранник с вахты. Он сообщил, что ни в гардеробе, ни в спортзале никого нет.

Крячко решительно взялся за ручку туалета и прошел внутрь. Следом за ним поспешила директриса, охранник остался снаружи. Макарова первым делом рванулась к кабинкам, дергая поочередно дверцы. Однако суетилась она напрасно: все кабинки были пусты.

– Больше смотреть негде, – развела руками Макарова, разочарованно глядя на Крячко.

– А мужской туалет на этом же этаже?

Лицо Стеллы Эдуардовны пошло пунцовыми пятнами.

– Вы что, полагаете, что Вероника могла пойти в мужской туалет?

– Ну-ка, пошлите вашего орлика, чтобы проверил! – вместо ответа распорядился Крячко. Макарова не просто отправила охранника, но и пошла вместе с ним. Через пару минут она вернулась и сообщила, что туалет мальчиков пуст.

– Ну, может, это и к лучшему, – пробормотал Крячко.

– Почему? – спросила директриса, которая несколько минут назад надеялась, что Вероника может найтись вот таким неожиданным и простым способом.

– А вы представляете, в каком состоянии она была бы, пролежав без сознания больше трех часов? – хмуро покосился на нее Станислав.

Директриса принялась что-то говорить, но Крячко ее не слушал. Он смотрел в сторону большого окна, створка которого была откинута.

Подойдя и повернув ручку в положение вправо, Стас распахнул окно и, перегнувшись через подоконник, посмотрел вниз. Первый этаж... Довольно высокий, но не слишком. Карниз... Глаз уловил какое-то яркое пятнышко, трепещущее от легкого ветерка. Он протянул руку и осторожно сжал пальцы, подцепив что-то маленькое и мягкое. Поднеся находку ближе к глазам, полковник разглядел красную нитку.

– В чем Вероника была сегодня? – повернулся он к директрисе.

– Я не знаю. Я ее не видела.

– Угу. – Крячко опустил найденную нитку в полиэтиленовый пакетик и спросил: – У вас камеры есть?

– Разумеется! – изогнула бровь Стелла Эдуардовна, вновь превращаясь в успешного руководителя одного из лучших лицеев.

– В туалете? – уточнил Крячко.

– Ну что вы! Какие камеры в туалете! – возмутилась Макарова. – Да нас под суд отдадут!

– Ну на ЕГЭ, я слышал, и этим не гнушаются, – усмехнулся Стас. – Так где у вас камеры?

– У входа в школу, в вестибюле, в актовом зале, – перечислила Стелла Эдуардовна.

– А куда выходит это окно? – кивнул он на раму.

– Никуда, – пожалала плечами директриса. – Точнее, на задний двор.

– И там камер нет?

– Нет.

– А куда ведет двор?

– Он, собственно, никуда не ведет. Территория огорожена.

– Угу, – буркнул Станислав и, сев на подоконник, перекинул ноги наружу.

– Что вы делаете?! – в ужасе воскликнула за его спиной директриса.

Однако полковник, не слушая ее, оттолкнулся от подоконника и грузно спрыгнул вниз, во двор. Приземлился он довольно удачно, правда, с трудом удержал равновесие. Не теряя времени, тут же поднялся на ноги и стал внимательно осматриваться. Под окном зеленела трава, и она была чуть примята. Станислав наклонился – точно, кто-то уже успел здесь натоптать. Но кто это был? Тот, кто спрыгнул с окна, как и он сам? Или забежавшие покурить старшеклассники? А может...

Взгляд Крячко упал на росший перед ним куст сирени. Она еще не зацвела, только приготовилась, выпустив первые мелкие гроздочки соцветий. Но не это привлекло внимание полковника. Он подошел ближе и осторожно приподнял одну из ветвей. На упругом нежно-зеленом листочке виднелись капельки крови...

Станислав раздвинул ветки, тщательно осматривая каждую. Больше крови не было, и он стал осматривать землю под сиренью. Чуть заметные вмятины заставили его проследовать дальше. Скрючившись в три погибели, полковник делал шаг за шагом, пока не наткнулся на

следы колес. Крячко присел на землю и достал карманный фонарик: в тени росшей во дворе зелени видно было плоховато.

Следы явно не автомобильные, но и не от велосипеда. Больше всего они походили на мотоциклетные, насколько можно было судить навскидку. К сожалению, дождя не было уже давно, поэтому земля ссохлась, и следы на ней различались с трудом. Необходима была помощь экспертов – да она в любом случае была необходима, учитывая находки Крячко.

Полковник двинулся по следам шин и вскоре уперся в забор, где они и обрывались.

«Что за чертовщина? – подумал Стас. – Куда делся мотоцикл?»

Он обследовал весь двор, но никакого транспортного средства, спрятанного в кустах, не обнаружил. И это было довольно странным... Не мог же он испариться в воздухе! Или его на руках отсюда утащили?

– Эй, вы в порядке? – послышался сверху встревоженный голос.

Крячко поднял голову. Перевесившись через подоконник, на него смотрела Стелла Эдуардовна.

– Да, нормально все! – отозвался он. – Сейчас вернусь.

– Что, и обратно через окно? – не без ехидных ноток осведомилась директриса.

Станислав не удостоил ее ответом, обогнул здание лица и зашагал к главному входу. Когда он вывернул из-за угла, то увидел, как перед лицем остановилось такси, из которого торопливо вышла женщина лет тридцати пяти в светлом платье. Наскоро расплатившись с водителем, она быстро пошла к зданию, взволнованно говоря на ходу по сотовому телефону:

– Да, поняла, поняла! А если спросят, почему не проследила? Хорошо, хорошо... – И скрылась за дверями.

Станислав поспешил следом, решив, что это, скорее всего, и есть Ольга Леонидовна, учитель обществознания, которая проводила консультацию сегодня утром. Войдя в вестибюль, он увидел, что женщина идет по коридору, а навстречу ей торопливо движется директриса. Заметив Крячко, Стелла Эдуардовна что-то вполголоса сказала подошедшей учительнице и развернула ее в сторону вестибюля. Стас приветливо помахал рукой и улыбнулся.

– Ну что, пройдем в двадцать третий? – сказал он, подходя к лестнице.

В двадцать третьем кабинете было душно. Все окна закрыты, к тому же скопление учеников здесь сегодня не добавило помещению кислорода.

– Окошко откройте, – попросил Станислав, доставая из кармана платок и протирая лоб.

Выполнять просьбу отправилась учительница. Она быстро повернула ручки, и в кабинет ворвался ветерок – теплый, правда, но все же дающий небольшую свежесть.

– Ольга Леонидовна, правильно? – обратился к ней Крячко.

– Да, Ольга Леонидовна Крюкова, – ответила за нее директриса и встала между ним и своей подчиненной.

– Стелла Эдуардовна, – предотвращая вмешательство директрисы в разговор, сказал Стас, – вы пока подготовьте мне списки учеников класса, в котором учится Вероника Крайнова. С адресами и телефонами.

– Это еще зачем? – нахмурилась Макарова.

– Пожалуйста, делайте, что вам говорят, – с нажимом проговорил он.

Директриса поджала губы. Поручение ей явно не понравилось, равно как и то, что ей приходится подчиняться постороннему человеку в стенах, в которых она ощущала себя полноправной хозяйкой. А еще ей явно не хотелось оставлять Крячко наедине с учительницей. Но Станислав молча смотрел ей в лицо, пока Стелла Эдуардовна, повернувшись на высоких шпильках, не вышла из кабинета. Ему вдруг показалось, что Ольга Леонидовна подавила коротенький вздох облегчения.

– Итак, Ольга Леонидовна, давайте по порядку, – приступил он к делу. – Чтобы мне не прерывать вас постоянно вопросами, сразу скажу, какие моменты меня интересуют. А – во

сколько началась консультация, б – кто на ней присутствовал, в – во сколько закончилась, г – когда ушла Вероника Крайнова и с кем, а также, в каком она была настроении. Задача ясна?

– Да, конечно, – кивнула в ответ Крюкова.

По ее словам, консультация началась ровно в девять часов, все ученики к этому времени были уже на месте, только Лена Богданова опоздала на десять минут, потому что проспала, но с ней это часто бывает. Длилась консультация два учебных часа, то есть по сорок пять минут, закончилась в половине одиннадцатого, после чего все ученики благополучно покинули школу, равно как и она сама. Вероника Крайнова на консультации сидела вместе с Идой Андроникян, однако в середине занятия отпросилась выйти. На этом месте Ольга Леонидовна прервала свой рассказ и стала очень внимательно рассматривать свои белые босоножки на тонких ремешках. Крячко вполне понимал причину и сам задал наводящий вопрос:

– Куда она отпросилась?

– Просто... Просто подышать воздухом. Ей было душно, и я ее отпустила. Понимаете, у Ники здоровье не слишком крепкое, ей уже становилось плохо раньше, и я не могла допустить, чтобы девочка потеряла сознание на уроке! – с жаром принялась оправдываться Крюкова.

– А если бы она потеряла сознание в туалете? – хмуро спросил Крячко, мысленно спроецировавший ситуацию на собственную дочь.

– Но... Но я не могла отправиться с ней! Я же вела занятие! – воскликнула Ольга Леонидовна.

– Но вы могли отправить кого-нибудь сопровождать ее.

– А я и отправила! Иду Андроникян!

– И когда Вероника вернулась в класс?

– Она... Она больше не вернулась, – промямлила Ольга Леонидовна.

– То есть ваша ученица, которая плохо себя почувствовала, ушла неизвестно куда и не вернулась, а вы преспокойно упорхнули домой, даже не поинтересовавшись, что с ней? – привычно начался Крячко. – Почему не отправили ее к врачу?

– Врач... Дело в том, что врача не было! – Крюкова даже обрадовалась, потому что появился крайний, на которого можно было перевести стрелки. – Учебный процесс ведь закончился, и она больше не появлялась! Хотя официально она не в отпуске.

– То есть вы прекрасно знали, что врача в школе нет, – только и произнес Крячко.

Лицо Крюковой покраснелось и вспотело. Она сильно волновалась, так как прекрасно понимала, что вина в первую очередь лежит на ней.

– Но я же не могла предвидеть, что так получится! Ида вернулась через пять минут, сказала, что с Никой все в порядке! А потом, когда консультация закончилась, я подумала, что она просто пошла домой, вот и все!

– И даже в туалет не заглянули! – упрекнул Крячко. – А если бы с вашей дочерью так поступили?

На глазах Крюковой выступили слезы.

– У меня нет дочери... – всхлипнула она. – То есть, простите, я не то хотела сказать! Я хотела просто... Я не знала... Такого никогда раньше не было! – И, не выдержав, расплакалась.

Крячко тяжело вздохнул. Женских слез он терпеть не мог, переносил их тяжело и всегда мечтал, чтобы был изобретен способ, позволяющий избавиться от этой дурацкой особенности организма навсегда. Крюкова закрыла лицо руками, а Станислав топтался рядом, не зная, чем помочь.

– Ну ладно, ладно, – проговорил он, неловко хлопая женщину по плечу. – Давайте лучше заглаживать собственные «косяки». Да перестаньте вы реветь! Мне у вас еще спросить кое-что нужно! Слушайте, найдем мы девчонку, найдем! Только если вы прекратите нюнить и поможете мне!

Крюкова оторвала руки от лица и с надеждой посмотрела на Крячко. Его последние слова вселили в нее надежду, и она, быстро достав из сумочки салфетку и промокнув мокрые щеки, закивала:

– Да-да, спрашивайте, я все расскажу, да!

– Веронике раньше доводилось вот так исчезать?

Ольга Леонидовна заверила его, что нет, а также сообщила, что в это утро Вероника была немного не такой, как всегда, – бледная, рассеянная. Она сидела с отсутствующим видом и постоянно заглядывала в телефон, так что Ольга Леонидовна даже пригрозила его отнять. Вскоре после этого Вероника покинула класс. Дружила она в основном с Идой Андроникян, с другими девочками отношения были ровными, ни с кем из мальчиков-одноклассников не встречалась.

– Скажите, а у вас мотоциклисты есть? – ошарашил ее вопросом Крячко.

– В каком смысле? – не поняла учительница.

– Ну, может, из старшекласников кто гоняет или из сотрудников?

– Из сотрудников? – Крюкова недоверчиво посмотрела на Крячко, не понимая, шутит он или всерьез. – Нет, что вы! Все приезжают на машинах.

– Ну вот вы, например, сегодня приехали на такси. Вот я и подумал – может, в другое время на мотоцикле добираетесь? – улыбнулся Стас. – Да ладно, шучу. Значит, мотоциклистов здесь не видели. А может, на велосипеде кто ездит? А что? Очень модное увлечение! Сейчас же все на здоровом образе жизни помешались.

– Нет, у нас в школе таких нет, – ответила Крюкова, которой явно было не до шуток.

– А вот такой вопрос – во что Вероника была одета?

Ольга Леонидовна наморщила лоб.

– Так, на ней были темно-синие джинсы и черная майка. Волосы собраны в хвост.

– Джинсы? Разве в вашем расчудесном лицее не предусмотрена форма?

– Форма, конечно, есть, но на консультации мы разрешаем приходить в свободной одежде, – пояснила Крюкова.

– Значит, черная... – задумчиво проговорил Крячко, на всякий случай доставая блокнот и записывая информацию. – А у нее из носа кровь никогда не шла?

– Нет! – испуганно ответила учительница, да Крячко и сам понимал, что одиночные пятнышки на листе сирени мало похожи на носовое кровотечение.

Спустя пару минут в классе появилась директриса, держа в руках лист бумаги с напечатанным текстом. Она несколько раз повторила с нажимом, что не стоит беспокоить учеников, а также их родителей звонками, а уж тем более визитами, поскольку никто из них не в курсе исчезновения Вероники, однако Крячко просто забрал у нее листок, никак не комментируя, достал свой сотовый телефон и набрал номер отдела экспертов:

– Алло, Попов? Крячко говорит. Давай-ка дуй в лицей номер 1683... Да-да. И причиндалы все прихвати, пригодятся. Тут кое-что проверить надо, а у меня ресурсов не хватает. Ага. Давай, жду!

Станислав дождался приезда эксперта, передал ему найденную на подоконнике ниточку и листок со следами крови, а также провел его на задний двор и показал следы на земле. Оставив Попова заниматься своими обязанностями, он отправился к Иде Андроникян.

Машина, простоявшая около часа на солнцепеке, раскалилась. В салоне было как в душегубке, и Станислав с ходу врубил максимальную скорость, чтобы хотя бы на ветру немного охладиться. Взревев, автомобиль сорвался с места и помчался прочь от лицея, поднимая пыль.

Семья Андроникян проживала за МКАД, в одном из коттеджных поселков, в просторном особняке красного кирпича, обнесенном литым чугунным забором с коваными воротами. Станислав Крячко наметанным глазом сразу заметил, что папа Андроникян явно не ску-

пился на нужды семьи: все вокруг дышало показной роскошью. Лихо подкатив прямо к воротам, Стас остановил машину и, выйдя, позвонил в висевший на двери позолоченный колокольчик, сделанный под старину. Наличие рядом с ним экрана видеофона создавало контраст эпох.

Из-за забора тут же залаяла собака, затем послышался женский голос, прикрикнувший на нее по-армянски, и тут же из-за ворот раздалось по-русски:

– Кто там?

– Это полковник Крячко из Главного управления МВД, я вам звонил, – представился Станислав.

– Да-да. – Видеофон запищал, и Крячко, толкнув тяжелую дверь, вошел во двор.

Своими размерами он сразу же показался Станиславу целой площадкой для игры в гольф. Слева от входа в дом находилась огромная собачья конура, а рядом – не менее огромная собака породы алабай. Лаять она прекратила, но издавала мерное глухое ворчание, посматривая на гостя.

– Ух ты! Какая классная собаченция! – улыбнулся Крячко, безбоязненно подходя ближе – он всегда был поклонником собак. – Как тебя звать? Лайма, Берта?

– Хельга, – отозвалась хозяйка – высокая, статная брюнетка с распущенными по плечам волосами, в длинном темно-синем платье. Видимо, хозяин дома, Ваник Багратович, был поклонником крупных форм, и жена идеально соответствовала его предпочтениям. При этом она отнюдь не казалась толстой, скорее наоборот.

– Как вы сразу определили, что это девочка? Все почему-то думают, что пес.

– Ну это же сразу видно. Вон какая красавица! – Крячко протянул руку и почесал собаку за ухом.

– Вы так смело с ней обращаетесь? – вскинула угольные брови женщина. – Все даже подойти бояться! Хотя она у нас не кусается. Просто держим для острастки.

– Люблю собак. А они это сразу чувствуют, – пояснил Стас.

Наверное, своим поведением он сразу расположил к себе женщину, которая хоть и жила в столице, в глубине души оставалась уроженкой Кавказа и с материнским молоком впитала уважение к мужчинам, к тому же представителям власти, да еще при высоком звании.

– Меня зовут Ануш, – сказала она. – Вы насчет Вероники, да? Мама ее уже звонила. Проходите в дом, я сейчас скажу Иде.

Крячко прошел в прихожую и стал снимать ботинки. Ступив на пол, моментально ощутил приятную прохладу и тут же понял, почему: полы и стены в доме были мраморными. В этом что-то есть, по крайней мере, в летнюю жару очень удобно.

Ануш тем временем поднялась наверх по винтовой лестнице, и Станислав, оставшись один, огляделся. Он находился в просторном холле. В центре располагался стол с витыми ножками, над которым висела тяжелая люстра, больше подходящая, на его взгляд, для театра: массивная, матовая, с медными ангелочками по краям, дующими в рожки. Вокруг стояли дорогие резные стулья, словно из дворца, а поодаль – белый кожаный диван и такие же кресла. Все вокруг было украшено шкурами: на полу – огромная белая медвежья, на стенах – каких-то зверьков поменьше, были даже чучела песцов, шакалов и еще бог знает кого. Пространство между первым и вторым этажом занимала гигантских размеров шкура бурого медведя.

Внезапно послышались звуки музыки, и Крячко невольно вздрогнул. Потом, присмотревшись, понял, что это звонит телефон, стоявший на высокой тумбочке. Вглядевшись, Стас невольно усмехнулся – телефонный аппарат сам по себе являл оригинальное зрелище: покрытый позолотой корпус цилиндрической формы, на котором сверху горизонтально лежала трубка, а концы ее двумя грушами свисали вниз. Выполнен он был под старину – так же, как и многие предметы в помещении, например буфет, украшенный мелкой искусной резьбой. Буфет Станиславу, кстати, понравился. «На дачу бы такой неплохо», – мелькнуло у него в голове. По углам были расставлены высокие вазы, а также какие-то скульптуры, выполненные

из смеси камня и ярко-желтого металла. На стенах – картины, кинжалы в ножнах и огромная плазменная панель. И все это эклектичное великолепие, барская пышность, хаотичное сочетание древности и современности буквально вопило о богатстве хозяев. Однако сама Ануш Андрионикян держалась очень просто и естественно и, в отличие от Натальи Крайновой, ни словом, ни намеком не давала понять Крячко, что их семья относится к привилегированному классу.

На лестнице послышались голоса, затем шаги, и Ануш, перегнувшись через перила, произнесла извиняющимся тоном:

– Простите, вы не могли бы подняться сюда?

Крячко послушно пошел наверх.

– Пройдемте к ней в комнату. Никак не хочет спускаться, – с виноватым видом развела руками Ануш и добавила: – Она как раз занимается, к экзамену готовится.

Стас молча пожал плечами. Подобными штучками его было не пронять, и он спокойно проследовал за Ануш к одной из дверей. Хозяйка открыла ее и пропустила его вперед. Крячко вошел и увидел сидевшую к нему спиной девочку. При его появлении она даже не повернула головы, сосредоточенно водя длинными пальцами по широкому экрану белого переливающегося айфона. Видимо, это и была Ида Андрионикян.

– Ида! – позвала Ануш.

Девочка не отреагировала, и Крячко заметил, что в ушах у нее тонкие наушники.

– Анаида! – громче и требовательней повторила мать.

– Ну чего? – недовольно отозвалась та.

– К тебе пришли!

– Я занимаюсь.

– К тебе пришли! Из полиции!

Девочка в ответ лишь пробурчала что-то невнятное.

Тут терпение матери лопнуло, и она решительно шагнула вперед, выдернула из ушей дочери наушники и заговорила по-армянски, эмоционально и громко. Ида пыталась что-то возражать, но довольно вяло, и в конце несколько раз проговорила: «Лав! Лав! Лав!» Крячко, отродясь не являвшийся полиглотом, но имевший довольно много знакомых среди армян, понял, что Ида уступает матери и соглашается на беседу.

Ануш схватила наушники и сунула их в карман платья, после чего обернулась к Крячко:

– Проходите, проходите в комнату.

Ида Андрионикян сидела в компьютерном кресле перед столом, и Станислав устроился на диване возле нее. Мать осталась стоять и уходить не собиралась, всем своим видом выражая, что намерена контролировать процесс беседы, причем контроль в первую очередь адресован дочери, а не сыщику. Крячко не считал это удачной идеей, однако напрямую возражать не стал, решив сориентироваться по ходу дела.

– Ну что, Ида, – обратился он к девушке. – Поговорим?

– Я вообще-то не понимаю, чего вы от меня хотите, – довольно высокомерно отозвалась та.

У Иды Андрионикян было продолговатое узкое лицо и близко посаженные глаза за очками с довольно толстыми стеклами. Сама она была щупленькая, не бог весть какая красавица и больше походила на еврейку, чем на армянку. Жгуче-черные волосы забраны сзади в хвост, кое-где из-под резинки выбивались кучерявые колечки, опускаясь на щеки с нежно-розовым девичьим румянцем.

Крячко с первых мгновений уловил недружелюбный тон с ее стороны, но в то же время понимал, что направлено это недружелюбие не на него, что за ним кроется что-то еще. Но вот что именно, Станиславу предстояло выяснить. Обладающий способностью устанавливать контакт даже с самым, казалось бы, безнадежным в этом плане человеком, он совершенно

невозмутимо отреагировал на все эти девчачьи шпильки и взбрыки и, усевшись поудобнее, сказал:

– Да понять, чего я хочу, очень просто. Узнать мне нужно, куда Вероника подевалась.

– Ну тут я вам ничем не могу помочь, извините! – быстро проговорила Анаида, всем своим видом показывая, что на этом разговор можно заканчивать.

Крячко и ухом не повел. У него касательно этой беседы были совсем иные планы.

– А я вот уверен, что можешь, – сказал он.

– Интересно, как? – фыркнула Анаида. – Я ничего не знаю. С Никой сегодня вообще не общалась, видела ее только мельком.

– А в прошлый раз общалась?

– Ну так, перебросились парой фраз.

– Это в лицее, а «ВКонтакте»? – спросил Стас, краем глаза заметив, что на айфоне у Иды открыта страница именно этой социальной сети. И хотя в Главке он считался непроходимым «чайником» в вопросах владения компьютером вообще и Интернетом в частности, этот факт уловил сразу. Вообще Станислав больше прикидывался сиволапым мужиком, чем был таким на самом деле. Роль простоватого «валенка» была ему частенько очень выгодна, поскольку хитроватый Крячко давным-давно уяснил, что так, во-первых, меньше спроса, во-вторых, собеседник при виде простачка расслабляется и позволяет вытянуть больше, в-третьих, многие нудные вещи можно переложить на плечи того, кто «компетентнее», в-четвертых... Словом, выгод такого положения полно.

– «ВКонтакте» тоже ничего особенного, – сказала Анаида, сама не замечая, как постепенно начинает отвечать на вопросы Крячко.

Станислав не спешил. Он, конечно, понимал, что может повести себя куда более жестко и принудительно заставить девочку давать показания. Но понимал и то, что в этом случае она будет отвечать односложно и вытянуть из нее полезных сведений не удастся. А они были у нее, эти полезные сведения, были! И именно поэтому она вела себя так отстраненно-вызывающе.

– А Виктория к экзамену-то была готова? Или боялась сдавать? – спросил он.

Изогнутая бровь Анаиды изогнулась еще больше. Видимо, она никак не ожидала подобного вопроса, не понимала, какое он имеет значение, и это несколько сбilo ее с толку. А Крячко неторопливо шел к своей цели.

– Ну экзаменов, вообще-то, все боятся, – ответила девушка.

– И ты тоже?

– Ну... – замялась она, покосившись на мать. – Не то чтобы очень...

– А Вероника, значит, очень, – подхватил Крячко.

– Ну боялась немного. Не больше, чем все. А при чем тут это?

– Да вот, понимаешь, Ида, что я думаю... – доверительно проговорил Стас, в задумчивости почесав подбородок и придвигаясь поближе. – Может, она так сильно боялась не сдать экзамен, что решила из дома сбежать?

– Как это? – Миндалевидные глаза Анаиды округлились.

– Ну родители у нее, я так понял, люди строгие, – продолжал в доверительном тоне Крячко. – Дома постоянно держат под контролем, в лицей и из лицей возят на машине, с друзьями не дают встречаться... Никакой жизни! Представляешь, что бы они устроили, если б она экзамен не сдала? Вообще капец!

– Да ну... Вряд ли. Из-за этого сбежать? – с недоверием в голосе ответила девочка.

– Эх, кабы ты знала, на что некоторые подростки порой решаются, когда их родители достают! – со вздохом проговорил Крячко. – Хорошо еще, если только сбежала! А то ведь... – Он не договорил, еще раз вздохнул и покачал головой.

В глазах Анаиды появилась тревога, теперь она с беспокойством поглядывала на полковника.

– На что вы намекаете? – нахмурившись, спросила девочка.

Крячко промолчал, и она неуверенно продолжила:

– Да ну... Да не может быть! Слушайте, ну что вы нагнетаете!

– В каком она была настроении последнее время? – поинтересовался Крячко.

– В нормальном, – пожала плечами Анаида, но призадумалась.

– На родителей жаловалась? Ее мать говорила, что Вероника в последнее время совсем перестала заниматься и вообще отбилась от рук, – от души приврал Стас. – А они с отцом переживают за ее будущее и создали все условия, чтобы она нормально училась, поступила в вуз...

– Ага, все условия! – Заглотив наживку, Ида от возмущения даже подпрыгнула в кресле. – Переживают они, как же! Да они достали ее своими переживаниями! Держат ее дома, как в темнице, под домашним арестом! Даже на школьные дискотеки не отпускают, что уж там о большем говорить! Ее даже на дни рождения к одноклассникам не отпускают – скажите, это нормально?!

Крячко постарался скрыть смущение, поскольку Анаида, сама того не ведая, уколола его в больное место, и, опустив глаза, разглядывал носы пушистых тапочек. Но Ида и не ждала от него ответа. Все больше распаляясь, она продолжала:

– Ни в кино она с нами не ходит, ни в кафе! Вообще никуда! В лицей привезли к восьми – ровно в два забрали! И опять дома сиди до следующего утра! Мамаша повсюду ее сама на машине возит и постоянно возле нее торчит! От такой куда хочешь сбежишь!

– Анаида! – предостерегающе одернула ее Ануш. – Прекрати!

– Да чего прекрати? – взвилась девочка. – Совсем крыша поехала у ее мамыши!

– Замолчи! – выкрикнула мать. – Человек на двадцать лет тебя старше, а ты так про нее!

– Да она этого заслуживает! – разошлась Анаида, совершенно забыв о том, что несколько минут назад не собиралась сообщать полковнику МВД вообще никаких сведений. – Если бы у меня была такая семейка, я давно бы повесилась!

Ануш невольно ахнула и приложила руку к сердцу. Лицо ее побелело, а глаза наполнились смесью гнева и ужаса. Это несколько охладило пыл Иды, она попыталась взять себя в руки и уже тише произнесла:

– Слава богу, у меня родители нормальные! И обо мне заботятся, а не о своих амбициях! Вы думаете, почему мамаша Веронику так дрючит? О ее будущем заботится?! Щас! О себе она заботится! Ей же важно, чтобы Вероника числилась в лучших ученицах, чтобы хвастаться перед всеми дочерью! То в художественную гимнастику ее гоняла, то в языковую группу определила, хотя у Ники к языкам способностей нет, а гимнастику она терпеть не может! Ей готовиться нравится, но мамаше на это плевать, потому что это не престижно! Она помешана на престиже, из кожи вон лезет, чтобы в первых рядах быть! Директрисе уже весь мозг проела, почему ее Вероника не круглая отличница! На учителей постоянно жалуется, обвиняет их в непрофессионализме! Что, думаешь, я вру? – сверкнула она глазами на мать, которая, слушая длинный монолог дочери, все больше мрачнела. – Да я вам такое могу рассказать!

– Расскажи, – попросил Крячко.

Анаида глубоко вздохнула и начала...

По ее словам выходило, что между Вероникой и ее матерью давно установилось полное непонимание, переросшее в стену отчуждения. Что в последнее время часто возникали конфликты, причем не только между Никой и Натальей, но и всеми членами семьи. Подробностей Ида не знала, но Вероника неоднократно говорила, что с семьей ей не повезло и она хотела бы жить в другой.

– Что она имела в виду? – заинтересовался Крячко.

– Ну... Вот это и имела! – довольно неуклюже пояснила Анаида.

– И все-таки? Жалела, что родилась в этой семье? Хотела создать собственную? Не слишком ли рано?

– Ну не прямо завтра! А в будущем! Только чтобы в семье у нее было все не так, как в родительском доме.

– И что, кандидатура была? – небрежно, будто мимоходом, спросил Крячко, и от его цепкого взгляда не укрылось, что Анаида тут же закрылась и скороговоркой ответила:

– Нет, конечно, просто в перспективе.

Крячко почувствовал, что она недоговаривает. Если до этого Анаида рассказывала эмоционально, что свидетельствовало о ее искренности, то на последний вопрос ответила сухо и тут же продолжила:

– Ну вот. И еще она говорила, что собирается уйти из дома сразу, как окончит школу. Что не станет жить с родителями, снимет квартиру и заживет одна. И еще – она не собиралась поступать в этот дурацкий институт, который прочила ей мамаша!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.